

Маринина Александра

27.08.01

Александра МАРИНИНА:

Книга — товар

Известия. — 2001. — 27 авг. — с. 7

скоропортящийся

Александра Маринина, самая известная российская сочинительница детективов, написала новый роман, в котором вдруг не оказалось Каменской. Это «вдруг» — только для преданных читателей Марининой, которые ждут от нее Каменскую и только Каменскую, как читатели Конан Дойла закидывали помидорами любую его попытку избежать Шерлока Холмса. Для издательства «ЭКСМО», издавшего двухтомную семейную сагу «Тот, кто знает», и для самой Марининой такой ход, напротив, выглядит крайне логич-

ным. Сделать паузу. Показать «новые грани таланта». Сделать рынку неожиданное предложение, от которого тот по понятным причинам не сумеет отказаться: суммарный тираж предыдущих книг Марининой составил 26 миллионов. В этой ситуации даже не важно, что вместо саги по сути получился готовый сценарий для очередного сериала «по мотивам Марининой». Обозреватель «Известий» Анна КОВАЛЕВА расспросила писательницу о том, что заставило написать ее этот роман.

— Марина Анатольевна, чем объясняется переход от детективной прозы к семейной саге в психологических тонах?

— Ничем, кроме желания написать именно такую книгу.

— Может быть, вам надоело писать детективы?

— Нет, конечно. Когда человека ест шоколад день, два, неделю, естественно, ему хочется перейти на бутерброды. На время. Шоколад он любить не перестает.

— Когда выйдет следующая Каменская?

— Она уже написана. Так что вопрос, скорее, к издательству, а не ко мне. На следующей неделе выходит «Тот, кто знает», может быть, месяца через три-четыре выйдет Каменская. Кстати, в действии будут принимать участие и герои «Того, кто знает». На съемках сериала Натальи Вороновой, одной из главных героинь романа «Тот, кто знает», происходит убийство и исчезает жена второго главного героя.

— Почему вы выбрали именно этот период советской истории — с 1965 года по настоящее время?

— Наталья Воронова — практически моя ровесница. Она всего лишь на два года старше. Я описывала то время, которое помню. В 1965 году мне было восемь лет, и с этого момента я помню все совершенно отчетливо. Я тогда, так же как и мои герои, жила в коммуналке, только не в Москве, а в Питере. Так что все детали такой жизни знаю досконально. Я отчетливо помню все, что тогда шло в кинотеатрах, что писали в газетах, что сколько стоило, вплоть до копеек.

— Вы очень четко уловили нынешние ностальгические устремления многих россиян к застойной идиллии и их негативное восприятие того, что происходит со страной в последние десять лет.

— Я не очень хорошо представляю, какие у нашего народа сейчас устремления. Об этом могут судить только социологи, регулярно проводящие массовые опросы.

— Это ваши эмоции?

— Это не моя ностальгия. Я ни за что не вернусь ни в свою юность, ни в свое детство. Даже под угрозой расстрела. Я человек достаточно здравый и с безумным раздражением воспринимаю все, что противоречит исторической корректности. Люди жили в тех условиях, которые им были предоставлены, то есть в рамках идеологии, которую им внушали с детского сада. Работа пропаганды была организована по всем правилам искусства, и рассчитана она была на людей с нормальной психикой. Разумеется, она очень эффективно действовала. Так какое же мы сегодня имеем право

во обвинять людей того времени за то, что они поддались этой пропаганде? Это то же самое, что поставить человека перед ядерным реактором, а потом осуждать его за то, что он заболел раком, а не стал красивым, жизнерадостным чемпионом мира по теннису. Поэтому Бэлла Львовна (один из персонажей романа «Тот, кто знает»). — А.К.) держала при себе свои

они взваливают свои обязанности, тоже имеют право негодовать.

— Работая над книгой, вы использовали только свои воспоминания или работали с источниками?

— Ох, это только чукча — писатель, а не читатель. Я же умею буквы складывать не только для письменной работы, но и для чтения. Я не чукча, я

состоялась, стала успешным режиссером, публицистом... Не ответ ли это журналистам, не признающим Маринину как писатель?

— Вовсе нет. Меня, честно говоря, мало интересует то, что обо мне пишут журналисты. Кому-то мои книги нравятся, кому-то нет, это дело вкуса. Но у меня есть две огромные папки. Одна — со статьями журналистов, которые меня пинают, клеймят, поливают грязью. А другая — с письмами читателей, в которых они говорят о том, что мои книги помогли им выйти из депрессии, удержали от суицида, помогли наладить жизнь. Так неужели же после этих писем я буду обращать внимание на то, что пишут журналисты?

— Сейчас в детективном жанре работает гораздо больше людей, чем в то время, когда вы начинали. Вы чувствуете конкуренцию?

— В нашем деле конкуренции нет и не может быть. Книга, говоря грубыми экономическими терминами, не относится к товару длительного пользования. Это холодильник мы покупаем на десять лет вперед, а книга читается день, два, три, максимум — неделю, а дальше мы идем в магазин за следующей. Вот если бы были писатели, выпускающие по книге в неделю, тогда можно было бы говорить о конкуренции, ведь никто не успевал бы читать что-нибудь другое. А поскольку следующую книгу каждого автора приходится ждать по полгода, год, так и хорошо, что таких книг много. Чем больше, тем лучше.

— Из всех детективщиков такого же успеха, что и вы, достиг только Акунин. Как вы оцениваете феномен под названием Акунин?

— Я принципиально не обсуждаю ни творческие успехи, ни личности людей, с которыми незнакома. Что же касается того, чего он достиг, об этом можно судить только по тиражам. А пока его тиражи с моими равняться невозможно.

— Экранизация ваших книг повлияла на ваше творчество?

— Нет. Более того, когда я села за следующую книгу уже после начала съемок, вдруг поняла, какие в моих книгах есть недостатки с точки зрения кино. Я подумала: «Они же не смогут снять эту сцену!»

— И?

— И тут же добавила: «Ну и черт с ним».

— Стилистическая пестрота ваших книг продолжает вызывать стойкие подозрения, что вы пишете не одна. Так ли это?

— Мне никто не помогает. Говорят, нормальный писатель не может писать столько, сколько я пишу я. Действительно в 1995—1996 годах я писала по книге за полтора месяца. Теперь я пишу по книге в год. Просто никто не хочет задуматься над тем, что книги, которые сейчас лежат на прилавках, написаны не вчера, а за десять лет. Я беседовала с писателем Андреем Битовым, и он сказал, что ему, как профессиональному, смешно слышать подобные вещи. Читая мои книги, он убедился в том, что все книги написаны одной рукой. Я с ним в этом вопросе абсолютно согласна.

ВИКТОР ГОРЯЧЕВ

критические замечания и объясняла Наташе Вороновой, что если она не будет адаптирована к ситуации, идеологии, ее жизнь в этой стране не сложится. Фактически ее жизнь была запрограммирована нашей идеологией, и только в сорок лет Наташа поймет, какой же дурой она была, и почувствует себя виноватой. Я хочу сказать, что никто не виноват, что его вынудили жить в таких условиях.

— Зато вы, кажется, осуждаете евреев за эмиграцию...

— Я вообще никого никогда не осуждаю. Во всех своих книгах я показываю то, что неывает абсолютно белого и абсолютно черного. Так уж наша Вселенная устроена. Я просто хотела показать, что люди, стремящиеся к лучшей жизни, имею на это право. Но те, на кого

еще и читатель. Я читаю всю свою жизнь, у меня огромная библиотека! Так что, разумеется, я работала и с газетными подшивками, и с мемуарной литературой.

— Можно ли говорить о том, что в этом романе есть автобиографические мотивы?

— Нет, ни в коем случае. Все мои герои мою же и сконструированные обстоятельства их жизни — тоже. Просто я передаю атмосферу того времени такой, какой я ее видела и какой запомнила.

— И тем не менее при чтении создается впечатление, что временами вы говорите о себе. Например, в тех частях, где рассказываете о том, что вашу героиню не признавали как сценариста, упрекая в слабости сюжетов. А она тем не менее